

© 2019 г.

П.П. ВЕЛИКИЙ

ХОЗЯЕВА СЕЛЬСКИХ ПОДВОРИЙ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ, БУДУЩЕЕ

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем Российской академии наук, Саратов, Россия (iagpran@mail.ru).

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы жизнедеятельности обитателей сельских территорий, возможности их самостоятельной хозяйственной деятельности. Выявлены признаки дифференциации хозяев сельских подворий с учетом производственного потенциала хозяйств. Показано, что при высоком производственном потенциале подворья возникают группы семей, рассматривающих семейное хозяйство (ЛПХ) как единственный источник благополучия. Будучи по существу неформальными фермерами, они испытывают значительные ограничения, которые обусловлены рыночным порядком сбыта продукции и напряженным режимом трудовой нагрузки всей семьи. Хозяева сельских подворий в условиях снижения доли сельских жителей, занятых в сельскохозяйственных организациях, рассматриваются через призму общих социально-экономических целей развития аграрного сектора. Обоснован вывод о возможности успешных хозяев сельских подворий стать катализатором консолидации сельских сообществ на создание новых или реанимацию ослабевших хозяйственных укладов в аграрном секторе.

Ключевые слова: семейное хозяйство • производственный потенциал крупхоза • трудовая занятость • рынок • активная жизнедеятельность • хозяйственная самодеятельность

DOI: 10.31857/S013216250007734-0

Сельское население России, пережив болезни шоковой терапии в первые годы аграрной реформы, значительно сократилось, а оставшееся в селе опривычило способы выживания в ограниченной производственной среде. Труд в формальных организациях стал занимать меньший объем относительно количества трудоспособных жителей. В настоящее время в агросфере, включающей сельское, лесное хозяйство и охоту, занято 5075 тыс. человек¹, в конце 1990-х г. было занято в 2 раза больше людей, чем в последующее время. Они, исключая очень небольшую часть, из деревень не уехали, многие до настоящего времени находятся в трудоспособном возрасте или, выйдя на пенсию, испытывают потребность в росте материального уровня, что подвигает их к поиску вариантов занятости.

Фермерские хозяйства обходятся своими силами, исключая крупные, но они, как и корпоративно-долевые, руководствуясь соображениями экономии средств, отправляют трудовой персонал зимой в неоплачиваемые отпуска, переводят на пониженную зарплату. В результате постоянная работа, как отметили сельские жители, для многих членов трудовых коллективов длится в течение года в среднем 6,9 месяцев [Тощенко, 2016: 311].

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-011-00206.

¹ Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности в 2017 г. // Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 113.

В этих условиях большая часть сельских домохозяйств значительную часть средств выживания семей создают своими силами. Только 41,1% сельчан работают официально по трудовому соглашению, почти 14% – заняты неформально, 10,6% – временно не работают, 2,4% – живут за счет ресурсов, созданных на своем подворье. Около 40% – добывают средства для выживания в городе, райцентре, другом селе, вахтовым методом в отдаленных регионах [Ахмедьев, 2015: 152–160].

При кажущемся на первый взгляд разнообразии каналов выживания ведущим среди них остается семейное хозяйство (ЛПХ), наиболее понятный и доступный канал самообеспечения сельской семьи продуктами питания и источник денежных средств. Однако он не остается неизменным.

Согласно материалам сельскохозяйственных переписей, за 2006–2016 гг. общее количество ЛПХ снизилось с 15 до 13,7 млн, сократился удельный вес содержащих скот (в частности, КРС – с 23,6 до 12%, свиньи – с 17,3 до 7,1%, овцы и козы – с 9,5 до 6,2%). Уменьшилось поголовье скота на подворьях, за исключением овец и коз (КРС – на 53%, свиней – на 62%). При этом темп сокращения был связан с размером ЛПХ обратной зависимостью: чем меньшим было ЛПХ, тем быстрее шло его измельчение. Удельный вес мелких и средних подворий, как и поголовья скота в них относительно общего поголовья скота в ЛПХ за 2006–2016 гг., уменьшился.

Одновременно происходила концентрация сельскохозяйственного производства в наиболее крупных ЛПХ. Увеличилось поголовье скота в среднем на одно хозяйство (4,5 голов КРС в 2016 г. против 2,9 в 2006 г., 3,7 свиней против 3,1 в 2006 г.). Еще быстрее росли крупные ЛПХ: появилось почти в 2 раза больше подворий, в каждом из которых содержится свыше 10 голов КРС, что свидетельствует о стремлении владельцев увеличить товарность хозяйства [Итоги Всероссийской сельскохозяйственной..., 2008: 320–323; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной..., 2018: 109, 221–222]. Факты дифференциации сельских подворий по производственному потенциалу подворий, смыслы одних семей увеличивать, а других сокращать или вообще отказываться от семейного хозяйства, новые тенденции взаимосвязей ЛПХ и крупного хозяйства наиболее актуальны в настоящее время для изучения в рамках аграрно-сельской социологии.

Об исследовании. В статье использованы данные социологического исследования в Саратовской области и Республике Татарстан. Формализованный опрос проходил по месту жительства респондентов. Выборка квотно-гнездовая репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) муниципальных образований и размерам сел, а также с учетом зоны проживания – ближняя, средняя и дальняя периферия – по удаленности от областного (республиканского) центра. Анкета включала 110 вопросов, в том числе 20 открытых и 35 полужакрытых. Опрошено 300 респондентов, при этом в зависимости от вопроса индивидуальные высказывания сделали 30–40% из них. Роль подворья в обеспечении сельских семей дифференцирована в зависимости от объективных и субъективных факторов. У одних оно как бы декоративно, члены семьи получают доход в местных сельскохозяйственных организациях или за пределами села, другие настолько расширили его, что обходятся без участия в формализованных секторах аграрного производства. Наблюдается совместность содержания большого ЛПХ и занятости одного-двух членов семьи в местной сельскохозяйственной организации. Поэтому методическая задача сводилась к выбору критериев и индикаторов дифференциации.

Основная гипотеза: группа высокого производственного потенциала отличается от остальных сельчан не только уровнем материального благополучия, но по основным показателям социального самочувствия, соучастия в муниципальной власти и сельском сообществе в обустройстве локала проживания, информированности о процессах в экономике, политике, духовной жизни общества.

Ниже мы остановимся на показателях и измерении хозяйственной деятельности семейных подворий, условно назвав их обладателями производственного потенциала высокого и обычного уровней. Сегодня семейные хозяйства сильно отличаются по объему

ресурсов и специализации. Среди них есть многоотраслевые, которые состоят из традиционного животноводства (коровы, свиньи, овцы, птица), полеводства (овощи, картофель), и включающие одну-две отрасли (например, кролиководство, пчеловодство, птица). Распространены хозяйства, в которых почти ничего не выращивается, но есть трактор, грузовой автомобиль, прицепная техника, востребованные на селе, и владелец занимается односельчанами, а нередко организациями районного центра для разного рода работ. В этих условиях методически важными являются такие признаки, как материальная составляющая хозяйства и потенциал использования имеющихся ресурсов.

Индикатор производственного потенциала семейного хозяйства включал ответы о наличии предметов хозяйственного назначения, самооценку респондентов возможности их приобретения, использования ресурсов местных сельскохозяйственных организаций, товарности и др. Список состоял из 43 реально возможных благ, необходимых для успешного хозяйствования. Респондент попадал в ту или иную группу в зависимости от наличия благ, свидетельств о своей деятельности и намерениях, от наличия хозяйственных построек и технических средств, объемов приобретения ресурсов у местных крупхозов, видов и величины продаж выращенной продукции, возможности расширить семейное хозяйство и др. Сумма ответов каждого респондента выводила его на более или менее высокое место успешности. Чем выше балл, тем выше производственный потенциал семейного хозяйства. Наиболее информативным являются данные о ресурсах подворья, которые обладают самовоспроизводством – домашние животные, культурные растения, плодородные участки земли.

Из 18 позиций, составляющих подворье: от скота, птицы, размера земельного участка при доме и за селом до плодовых деревьев, ягодников, лошадей, пчелосемей, – отобраны 7 наиболее распространенных и доходных (размер земельного участка, коровы, свиньи, кролики, куры, утки, гуси). На основании модального подхода разъединения объектов по расстоянию между ними выделены рубежные величины каждого из этих ресурсов, которые позволяют сделать ЛПХ настолько товарным, чтобы вся семья могла жить достаточно благополучно, сведя к минимуму свое участие в наемном труде или совсем отказавшись от него.

Варьирующими признаками распределения семейных хозяйств высокого производственного и обычного потенциала стали те, у кого в ЛПХ свыше трех коров или 10 овец/коз, 4 и более свиней или 20 кроликов, наличие земельного участка больше 30 соток при доме или более 15 – за селом. К первой группе отнесен 131 чел., к обычным – 169 чел.

О наличии полярных величин потенциала ЛПХ свидетельствуют и статистические данные: пороговые значения, выбранные нами, соответствуют 20–25 процентилям (то есть свыше 3 коров содержат 21,5% домохозяйств (из имеющих их на подворье), свыше 4 и больше – 26,7%, хозяйств с 1 коровой более 50%, овец и коз – больше 10 – 23%, кроликов больше 20 – 20–25%) [Итоги Всероссийской сельскохозяйственной..., 2018: 156, 372–374]. Установление взаимосвязи между показателями, заданными в номинальной шкале, проведено на основе критериев Хи-квадрат. Коэффициент Пирсона, рассчитанный по таблицам сопряженности номинальных признаков, показывал силу связи между ними при уровне значимости 0,05².

Имея достаточный объем именно этих видов ресурса, сельская семья может уравниваться по доходам с наемным работником в корпоративном укладе или у фермера и даже превысить их. По расчетам, приведенным на портале fb.ru, одна высокоудойная корова при продаже молока напрямую потребителю дает возможность получить 280 000 руб. дохода в год. Если же молоко приходится сдавать на молокозавод (типичная практика для подавляющей части семейных животноводов), доход снижается до 90 000 руб.³

²Разработка ранговых мер связи (коэффициенты ранговой корреляции) выполнена д. социол. н. В.Л. Шабановым.

³Лазько Н. Выгодно ли держать корову на молоко: отзывы и расчет. URL: <https://agrovesti.net/lib/advices/vygodno-li-derzhat-korovu-na-moloko-otzyvy-i-raschet.html> (дата обращения: 10.10.2019).

По нашим оценкам, основанным на данных опроса 10 экспертов, одна корова (молочные продукты плюс телята) при эффективном сбыте приносит семье до 60–80 тыс. руб. выручки в год, и это соизмеримо с размером 80–100% годовой заработной платы в сельском хозяйстве: среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве в Саратовской области составила в 2018 г. 18 908,1 руб.⁴ Если семья содержит 3–5 коров, то по доходам при всех сложностях сбыта продукции она может далеко превзойти перспективы заработка в корпоративной сельскохозяйственной организации или у фермера.

Попутно заметим, что реальная заработная плата наемного работника физического труда как в корпоративном укладе, так и у фермера гораздо ниже средней по региону. Она «подправлена» в сторону увеличения тем, что в среднюю зарплату включены высокооплачиваемые руководители сельскохозяйственных организаций и работники органов управления. Необходимо обратить внимание еще на один момент: доход от одной коровы в реальности не может быть эквивалентным зарплате в сельскохозяйственной организации. Суть вопроса в сбыте, который настолько сложен, что в него может включиться относительно успешно семья с достаточным большим объемом молочных продуктов. Этот фактор играет решающую роль. Многие семьи отказываются держать на подворье хотя бы одну корову: забот много, а пользы мало, особенно для семей без детей. Ведь излишки молочных продуктов продать в своем селе некому, а поездка с ними в другие места затруднена; держать одну корову нерентабельно.

Отсюда вытекает метод выделения существенных признаков хозяйствования семьи: обустройство подворья, животные, земельные участки, техника оценены как ресурсы эффективности семейной экономики. Полученные суммы ответов, сгруппированные в 5-балльную шкалу, давали распределение на две группы высокого и обычного производственного потенциала (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ЛПХ по интегральной оценке успешности (в %)

Интегральный показатель потенциала ЛПХ	Группа 1, высокий потенциал	Группа 2, обычный потенциал
Высший потенциал	15,3	1,8
Потенциал выше среднего	22,9	9,5
Потенциал ниже среднего	20,6	30,2
Наименьший потенциал	13,0	39,2

Примечание. Наивысший потенциал и выше среднего характеризуется 5–3 баллами, остальные 2–1.

Из табл. 1 видно, что производственный потенциал опережающей группы существенно выше обычных. При этом разница групп статистически значима (при уровне значимости 0,05), и хотя и в обычных хозяйствах придается большое значение подворью, в первую очередь оснащению его механическим и электрическим оборудованием для облегчения труда, но смысловая оценка подворья ниже. Так, на вопрос о способности семьи жить исключительно за счет своего подворья положительно оценили 46,6% первой и 26,5% второй группы ЛПХ.

⁴Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности // Саратовская область в цифрах – 2018. Краткий статистический сборник. Саратов, 2019. С. 49.

Деловые контакты подворий с крупхозами. Сельская семья независимо от состояния производственного потенциала подворья, как правило, стремится сохранить трудовые отношения с местным крупхозом, приобретает у него фураж и материалы для бытовых нужд (табл. 2). Все эти ресурсы/услуги платные. Первая группа чаще прибегала к услугам крупхоза, и общая сумма затрат на них выше, чем у группы второй (37 и 27% соответственно – затраты 49 тыс. руб. и 19 тыс. руб. в год).

Влияние на производственный потенциал подворья фактора занятости членов семьи в крупхозе оценивается неоднозначно. Во-первых, в силу общностной солидарности менеджмент крупхоза или фермер делают некоторое послабление в общем обмене труда на продукты, необходимые для ЛПХ. Но это не предопределено, и рыночный порядок установления цены господствует в поведении руководителей крупхоза. Во-вторых, закрепилось много негативных моментов в жизни трудовых коллективов аграрного сектора: высокий уровень эксплуатации, утрачен смысл соучастия коллектива в распределении прибыли, отсутствуют практики самоуправления, не поощряются техническое творчество и т.д. Пребывание в составе трудового коллектива является монотонным исполнением, лишено перспективы развития человеческого потенциала, восходящих лифтов и в целом не гарантирует стабильности рабочего места. Табл. 3 содержит показатели соучастия ЛПХ и крупхоза: незанятые в нем условно названы безработными, именно в таком статусе они числятся у менеджмента крупхоза, которому время от времени приходится приглашать на работу трудоспособных местных жителей.

Данные говорят о том, что существует связь между большей или меньшей трудовой включенностью семьи в крупхозе и состоянием производственного потенциала подворья. Занятость хотя бы одного члена семьи в формальном секторе облегчает получение фуража для кормления своих животных, других ресурсов. Однако и свобода от трудового участия имеет свои достоинства: позволяет содержать на подворье больше живности, возделывать солидные полевые участки за пределами села, торговать продуктами своего хозяйства, получать живые деньги, эффективно решать стратегические цели семьи.

В то же время полная занятость всех трудоспособных членов семьи в крупхозе ориентирует на «одномерный» профиль подворья: больше уделять внимание кормовым ресурсам, более доступным для «своих» работников сельскохозяйственного предприятия (натуроплата труда фуражным зерном, возможность приобретать корма для скота по более дешевой цене и др.). Это отразилось на характере семейного животноводства: интегрированные с сельхозпредприятиями по сравнению с остальными домохозяйствами имеют больше почти в два раза свиней и поросят (30–44 и 14–22%), овец и коз – 43 и 30% домохозяйств. Однако расчеты по среднему поголовью скота в обеих группах домохозяйств показывают, что работники сельхозпредприятий утрачивают преимущества своей занятости. В их ЛПХ в среднем содержится меньше, чем в остальных ЛПХ, коров и телят, овец и коз, больше – свиней и поросят, что делает ЛПХ более однообразным по специализации, менее ориентированным на актуальные потребности населения. Это ставит под вопрос перспективы деловых и патерналистских отношений между крупным сельхозпроизводством и владельцами ЛПХ, которые не имеют многоотраслевой структуры.

Социальные факторы дифференциации производственных потенциалов подворий. Демографические характеристики семей обеих выделенных групп: размер семьи, количество детей до 15 лет, возраст главы семьи, практически одинаковы (соответственно 3,1–3,2 чел., 1,42 и 1,36 ребенка, 46–48 лет). Среди неработающих членов более успешных семей трудоспособного возраста заняты в ЛПХ 34% мужчин и 49% женщин, в остальных семьях – соответственно 21 и 25%. Аналогичны соотношения характеристик занятости семей, имеющих детей-студентов. Уровень успешности ЛПХ определяется не демографической структурой семьи и не возрастом ее главы, а занятостью членов семьи – при отсутствии официальной работы появляется возможность увеличивать семейное подворье, делать его товарным.

Таблица 2

Распределение домохозяйств по видам получаемой помощи от крупных сельскохозяйственных предприятий (% домохозяйств)

Вид помощи	Группа 1	Группа 2
Продажа кормов	48,1	39,6
Продажа молодняка	29,8	24,3
Вспашка участков	26,7	29,0
Пастбища	26,7	17,8
Сенокосы	22,9	14,8
Машины для перевозки грузов	19,8	11,2
Продажа стройматериалов	18,3	16,0
Продажа топлива	11,5	12,4

Таблица 3

Наличие производственных ресурсов в структуре ЛПХ выделенных категорий домохозяйств (в %) и их средний размер (по отношению к домохозяйствам, имеющим данный ресурс)

Группы домохозяйств	Ресурсы								
	участок у дома (соток)	участок за селом (соток)	плодовые деревья (шт.)	коровы (голов)	телята (голов)	овцы, козы (голов)	свины (голов)	поросята (голов)	кролики (голов)
Все взрослые – работники крупного	20,6	58,9	9,0	3,9	3,5	37,2	5,0	5,2	12,7
Один взрослый – безработный	17,9	145,7	10,3	4,0	4,0	14,8	6,5	5,1	8,9
Два взрослых – безработные	27,1	207,8	10,0	9,5	7,9	49,8	7,9	6,5	38,0
В семье нет работающих в с/х предприятии	18,7	75,2	9,0	5,5	4,7	35,5	5,6	5,2	14,0
С родителями-пенсионерами	20,2	40,0	9,0	5,9	4,0	9,8	9,3	9,9	13,1
Без родителей-пенсионеров	20,7	138,1	9,7	4,7	4,6	35,2	5,4	4,7	14,5
С детьми-студентами	19,2	227,6	8,8	5,6	6,0	57,6	6,9	5,2	4,2
Без детей-студентов	21,0	84,7	9,8	4,7	4,0	21,2	5,8	5,4	16,3

На дифференциацию подворий влияет ряд социальных факторов. Размер и структура ЛПХ обусловлены наличием в составе домохозяйств родителей-пенсионеров. В группе домохозяйств, имеющих в своем составе пожилых родителей, выше доля ЛПХ, в которых содержатся коровы (51%, в группе домохозяйств без пожилых родителей 50%), телята (49 и 47%), овцы и козы (45 и 31%), свиньи (31 и 28%), кролики (16 и 11%); они чаще имеют сад и огород (91 и 82%). Различия в большинстве случаев незначительны. Кроме того, средний размер ЛПХ домохозяйств с пожилыми родителями по большинству производственных активов (за исключением количества коров, свиней, поросят) ниже, чем у домохозяйств без них. Однако небольшое увеличение производственного разнообразия ЛПХ, происходящее в домохозяйствах с пожилыми родителями, свидетельствует о *посильном* участии последних в содержании подворья. Но в целом основная нагрузка ложится на 30–50-летних членов семьи.

Наличие детей-студентов в составе домохозяйства также фактор развития ЛПХ. В таких домохозяйствах чаще и в большем количестве на подворье функционирует «многоотраслевое» хозяйство, включая скот, птицу, овощеводство, пчеловодство. Потребность вести ЛПХ связана с ожидаемыми семейными событиями (свадьбы, юбилей, проводы в армию и т.п.), расходы на которые от 50 до 90% обеспечиваются за счет подворья. Поэтому хозяева сельских подворий помимо денег, получаемых от продажи продукции, прибегают к заемным ресурсам. Брали кредиты банков 57–60% глав подворий, 36–37% из них имеют долги, которые по нормативным срокам надо отдавать. Сумели отложить за 2017 г. 16% членов первой группы и 10% – второй, при средней величине по группам соответственно 90 и 88 тыс. руб.

По параметрам, интегрально характеризующим принадлежность подворий к высокому уровню, доля лиц с высшим и средним специальным образованием превышает тех, у кого образование ниже среднего (табл. 4).

Таблица 4

Распределение обладателей производственных потенциалов в зависимости от профессионального образования (в % к числу респондентов)

Потенциал ЛПХ	Группы по уровню образования		
	общее, ниже среднего	среднее специальное	высшее
Высший	15,0	40,0	45,0
Выше среднего	16,7	36,7	46,7
Средний	21,6	37,8	40,5
Ниже среднего	22,2	63,0	14,8
Низший	23,5	58,8	17,6

Из табл. 4 видно, что обладатели высоких (1, 2 и 3) потенциалов – лица с высшим и средним специальным, а низкие потенциалы у тех, кто имеет общее незаконченное образование. В оценках предпосылок успехов семейного хозяйства есть общее для всех групп (урожайный год, наличие в семье помощников, транспорта) и особенное: лица с высоким образованием оценивают выше роль хорошего набора технических средств, соблюдения технологий, доступность кредитов банков. Чем выше образование, тем чаще используется трактор и грузовой автомобиль, на 20–30 п.п. у них на подворье больше скота и других животных. Самому хозяйству их в большей степени, чем у других групп, присущ товарный характер. Доля тех, кто из произведенной мясной продукции потребляет 10%, а реализует 90%, составляет 56,5%; остальное идет на продажу. Подворья с невысоким потенциалом, обладатели которых преимущественно не имеют высокого профессионального аграрного образования, несколько уступают: если доля первых (с высшим образованием), продающих 3–8 видов продукции, составляет 36–37%, то среди вторых (с низким образованием) – 29,5%.

По нашим расчетам, одно подворье особенно с высоким производственным потенциалом обеспечивает едой еще 5–9 семей покупателей его продукции, несомненно более качественной, чем предлагают торговые сети. Это достигается за счет большой самоэксплуатации, сложностей в обеспечении подворий орудиями труда. Вести ЛПХ трудно. Все группы владельцев указали проблемы: заготовка, приобретение фуража – 38,2%, сбыт продукции – 45,8%, низкие цены, диктуемые перекупщиками – 44,3%. Почти 60% респондентов отметили, что ЛПХ тяжело вести физически. Хронометраж режима суточной загруженности семьи кролиководов показал, что рабочий день с апреля по октябрь начинается в 7 часов утра и с перерывами на короткий отдых завершается в 22 ч, т.е. около 12–14 часов. В работе участвуют все члены семьи, включая детей-школьников.

Общий уровень материального благосостояния сельского населения невысок: низкая оплата труда в крупхозах, не позволяющая откладывать денежной суммы, достаточные для приобретения ресурсов высокой стоимости. Например, дойная корова стоит от 40–90 тыс. руб. в разных регионах до 95–135 тыс. руб. в Московской области⁵. Зачастую недоступно приобретение малой техники, стройматериалов, других ресурсов, без которых трудно организовать эффективное хозяйство, дающее устойчивый доход.

Отсюда перспективы роста ЛПХ: расширить его предполагают 31% хозяев с высшим образованием, 28% – со средним специальным и 41% – с общим и ниже среднего. Одновременно до 40% двух последних групп думают отказаться от ЛПХ совсем. Среди группы с высшим образованием таких 20%, и еще 38,9% опрошенных намерены оставить все без изменений.

Жители села, в большей степени ориентированные на работу либо в крупхозе, либо на подворье, почти одинаково оценили влияние этого фактора на здоровье. Те и другие считают, что шанс сохранить здоровье выше у работающих в крупхозе, заметно чаще на это указывают имеющие большое семейное хозяйство (22,9 и 6,1%), 70% не видят разницы. Отмечены преимущества занятости только на подворье. *«Дома работать лучше, чем на предприятии. Устал – прилег, отдохнул – продолжил работать»* (хозяин большого подворья, 59 лет).

Респонденты высшей группы хозяев подворья более оптимистичны: испытывают чувство надежной поддержки близких (26,7 против 16% остальных), меньше – неспособность влиять на происходящее (13,7 и 18,7%). Общая оценка удовлетворенности респондентов своей жизнью в целом по десятибалльной сетке у них также выше (6,85 и 6,52%).

Как отмечено выше, хозяйственная деятельность субъектов подворья в определенной степени зависит от наличия в селе других формальных аграрных укладов, которые в последние годы оттеснены агрохолдингами. Это касается земли в собственности, использования заемных средств, обновление техники. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, в 2016 г. структура сельскохозяйственных организаций по численности работников смещена в сторону мелких. В среднем на одну организацию численность трудовых коллективов составила до 16 человек – 5%, 16–50 (10,7%), 51–100 (15,1%), 101–250 (27%). Крупных организаций с численностью персонала 800–1200 всего 4,5%. В крупной группе организаций с численностью 800–1200 чел. занято всего 62 тыс., а в крупхозах с численностью в 16–100 чел. – почти 350 тыс. работников [Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи, 2018: 280].

Агрохолдинги замкнули на себя производство продукции животноводства: от содержания животных, переработки до сбыта через торговые сети. Перебоев в поставках на продажу мяса птицы, свинины, молочных продуктов, яйца нет, что создает впечатление благополучия. Однако сельскохозяйственные производители всех других укладов – корпоративно-долевые и фермеры, по существу вытесненные из рынка животноводческого направления, почти повсеместно перешли на производство зерна, подсолнечника, семян трав. Структура сельскохозяйственных организаций, включавшая в начале аграрной

⁵ Сколько стоит корова живая в 2019 году? URL: <https://novosti-online.info/3930-skolko-stoit-korova-zhivaya-v-2017-godu.html> (дата обращения: 10.10.19).

реформы разные уклады, действует по единой схеме. Сельское хозяйство во многих регионах упростилось, утрачивается квалификация аграриев и склонность их работать в животноводческих отраслях. «Животноводство – это множество забот причем круглый год. От коровы лишь через 5–6 лет дождешься продукта на продажу. К тому же бесконечная проблема с работниками – то одно не устраивает, то другое. Зарплату нужно платить весь год. Зерно – другое дело: посеял, убрал, продал. Лишь бы подобрать надежных мужиков, чтоб технику знали и хорошо работали, не считаясь со временем и нагрузкой» (фермер, 30 лет).

Соотношение позитивных и негативных моментов присутствия агрохолдингов пока вне поля внимания творцов аграрной политики. Однако такое время несомненно наступит. Руководствуясь соображением совместности организации АПК и сельских территорий, аграрная Европа начала вытеснять агрохолдинги с 1970-х гг., теперь там господствует фермерский уклад. Сделано это с помощью рычагов рынка: государства ввели повышенные ставки налогов на владельцев земельных участков, площади которых превышают установленную норму, и латифундисты стали спешно избавляться от лишней земли, продавая ее фермерам. Государства поддержали эту акцию, предоставив фермерам доступные кредиты⁶.

Структура аграрного сектора, включающая гигантские агрохолдинги и массу слабосильных сельскохозяйственных организаций, вероятно, не будет вечной. В этой связи личное подсобное хозяйство можно рассматривать в качестве резерва реформирования, а авангардную его часть – как катализатор создания новых или реконструирования старых укладов в аграрном секторе.

В процессе аграрного реформирования и в России были созданы предпосылки преемственности между новыми и старыми укладами. Наибольшая надежда в этом отводилась сельскохозяйственным производственным кооперативам. Потенциал коллективизма также пытались реализовать Законом об обществах с ограниченной ответственностью (ООО) 1998 г. Всем товариществам с ограниченной ответственностью (имеющим более 50 участников) предписывалось преобразоваться в кооперативы или акционерные общества [Сельскохозяйственный производственный кооператив, 1998], где предполагалось сохранить поддержку социальной сферы села подобно колхозному варианту реализации социальной функции сельскохозяйственной организации. В новое время сельскохозяйственные организации освобождены от забот о социальной сфере и расходов на нее. Там, где сохранились ресурсы прежних колхозов, которые наряду с паевыми взносами использовались в СПК на новые цели, получены устойчивые результаты по обустройству жизненного пространства села [Девяткина, 2016].

Осмыслению перспектив кооперативной организации может помочь международный опыт, отражающий соединение трудовых и поселенческих сторон жизнедеятельности сельского населения. Наиболее полно он решен в израильских кибуцах и мошавах, которые по времени возникновения опережали советские колхозы примерно на два десятилетия (первый опыт приходится на 1910 год)⁷.

Высокие социальные и экономические результаты демонстрируют производственные кооперативные структуры других стран. Казалось бы, институционализация кооперативных структур и предрасположенность бывших колхозников жить «в тепле родного коллектива» должны были бы дать и в России хорошие результаты. Однако надежда на то, что СПК – структура, включающая коммунарные и частно-собственнические интенции, будет эффективной и жизненной, в России не оправдалась. Если к началу второй половины 1990-х гг. численность СПК составляла более 15 тыс., то к концу первого десятилетия

⁶ Абакумов И. Захваченные перспективы. Агрохолдинги могут оставить страну без сельского населения. URL: <http://agrovesti.net/news/indst/zakhvachennye-perspektivy-agroholding-mogun-ostavit-stranubez-selskogo-naseleniya/html> (дата обращения: 31.03.2018).

⁷ Брюггеманн Г., Вайдингер М. Израильский кибуц – модели альтернативного социализма? // О ситуации в России. Альманах «Восток». 2004. Декабрь. № 12(24). URL: http://situation.ru/app/j_art_611.htm (дата обращения: 14.05.2019).

начала XXI в. она снизилась до 4773 единиц. По финансовой устойчивости СПК уступают обществам с ограниченной ответственностью [Петриков, 2016: 4–5].

На наш взгляд, именно потребность упорядочить основные функции семейного хозяйства жителей села могла бы стать импульсом создания, точнее реанимации, сельскохозяйственных производственных кооперативов. Главы товарных семейных хозяйств приводят следующие доводы в пользу кооперативов в своей среде. *«Нас в деревне совсем немного, на 70 дворов всего 10 человек, у каждого схожие заботы и каждый в одиночку решает свои проблемы. В то же время мы отличаемся по склонности к той или иной работе: один больше любит животноводство, другой склонен торговать, у третьего есть надежный транспорт, у четвертого – связи с хозяевами различных торговых площадей, пятый – специалист информатики и т.д. Кооперация на уровне СПК нам была бы полезна»* (мужчина, хозяин ЛПХ). Если этого не происходит, то причина – отсутствие опыта самостоятельности, нежелание вступать в контакт со структурами власти, преодолевать бюрократические барьеры, опасения неоправданных финансовых расходов.

В то же время деревня не полностью утратила качества общности, черты человеческого общежития. Уклады, в которых более или менее органично соединяются потенциал коммунальный и частный, заслуживают особого внимания и должны охватываться стратегическим и оперативным управлением.

Выводы. Семейные подворья, помимо поддержания баланса продуктов питания в стране, определяют образ и качество жизни миллионов сельчан. В него в той или иной степени включены рабочий, агроном, учитель, врач, работник муниципалитета. Часть членов сельских сообществ сделали его единственным источником выживания, достигая уровня, превышающего оплату труда занятых в колхозе.

Использование термина хозяйственная самостоятельность вместо ныне распространенного самозанятость, на мой взгляд, точнее отражает сущность такой деятельности, сельской реальности, которая: а) вплетена в повседневность как образ жизни; б) кодифицирована не нормами трудового права, а «диктатом» живого мира подворья (кормить, поить, принимать роды животных, полоть сорняки, убирать помещение и т.д.); в) требует поддерживать многопрофильную профессиональную компетентность; г) предполагает выход в рыночное пространство; без эффективного использования его трудовые затраты бессмысленны; д) поглощает время (суточное, недельное, месячное, годовое) хозяина подворья и части членов семьи, лишая возможности использовать институты поддержания здоровья, отдыха, общения с ценностями высокой культуры. Эти неизбежные лишения компенсируются морально-эстетическими моментами содержания своего подворья: понятливые животные, благоухающий сад, дружные всходы, плоды огорода и т.п. Самозанятость – термин рыночного толка, охватывающий узкий сектор труда, удобный для фискальных целей государства; самостоятельность хозяйственная – профиль жизни сельской семьи, ее разнообразие и ограничения. Она не втискивается в «железную решетку» нормативов в духе самозанятости.

Однако с позиции человекосоразмерности, т.е. сохранения и развития человеческого потенциала, создания благоприятных условий для трудовой занятости, поддержания здоровья и духовного развития мы видим, что негативных моментов в хозяйственной самостоятельности великое множество. Во-первых, предопределен трудовой режим, отсутствие свободного времени в его классическом понимании. Во-вторых, велика самозаэксплуатация, наблюдается прямо пропорциональная зависимость: чем выше производственный потенциал подворья, тем больше нагрузка на членов семьи. Эксперты считают, что сами практики ведения ЛПХ обусловили размер высшего и минимального потенциала подворья. Это связано с его рентабельностью и переносимыми/непереносимыми физическими и психологическими нагрузками на хозяев подворья: слишком большое (есть доля семей, содержащих до 30–40 голов крупного рогатого скота, 20–30 свиней, много птицы и т.д.) до предела изнуряет силы. Мелкое подворье требует такого же набора действий по его обслуживанию (хотя и с меньшей нагрузкой), но делает его экономически несостоятельным. Вероятно, поэтому у половины сельских семей на подворье нет коров, а из числа

имеющих – 53,6% держит одну. Кто эти люди? Почему они удовлетворяются низким уровнем жизни и в отличие от традиционных групп, создателей солидного производственного потенциала подворья, ничего не предпринимают для изменения этого? Очевидно, это постаревшая категория населения, ставшая доминирующей группой в демографической структуре села. Она все больше пополняется постаревшим составом жителей села, которому «ничего не надо», «все ладно и так». Исследуя российское пространство с позицией поиска моделей смягчения социального неравенства регионов, Н.В. Зубаревич делает вывод, что естественная убыль населения будет и дальше сжимать обжитое пространство, особенно быстро – в постаревших регионах Европейской России. Демографические ресурсы Юга с растущим населением остались последним резервом страны, который *иссякнет в течение одного-двух поколений* (курсив мой. – Прим. П.В.) [Зубаревич, 2017: 57]. Никаких предпосылок для изменения данной ситуации не предвидится.

Правда, в каждом регионе, независимо от уровня его модернизации, есть и зоны устойчивой репродукции сельского населения, которые стихийно складываются вокруг городов, в основном областных центров. Городское население остается потребителем натуральных продуктов, произведенных на подворьях, что стимулирует наиболее активную часть селян расширять производственный потенциал семейного хозяйства и осваивать рынки сбыта. Но это небольшая часть сельского пространства. В отдаленных районах продукты ЛПХ, особенно молочные, сбывать некому, поэтому практикуется мясное животноводство, продукты которого приходится отдавать посредникам по диктуемым ими ценам. Таким образом, в обозримом будущем следует ожидать дальнейшего сокращения числа семейных подворий и их вклада в производственные ресурсы страны. Причем сокращение может приобретать более резкий, скачкообразный характер вслед за отсутствием замещающего состава владельцев ЛПХ. Впрочем это общая судьба всей российской деревни и формального сектора всех сельскохозяйственных организаций АПК, которые по той же причине встретятся с дефицитом кадров рабочих профессий.

Перспективы семейных подворий связаны с общей линией дальнейшего функционирования аграрного сектора. Модернизация сельскохозяйственной отрасли обуславливает уменьшение занятых в ней, что будет вести к сокращению сельского населения. В этой ситуации расширение хозяйствования на подворьях может служить фактором смягчения возникающих проблем. Наибольшие предпосылки к этому в близкой периферии крупных городов. Жители окружающих деревень ответят на потребность горожан даже при отсутствии каких-либо управленческих действий местной власти. Отдаленная сельская периферия будет находиться в более сложной ситуации в основном из-за трудностей сбыта. Автор, оставаясь в ряду тех, кто верит, что русская деревня не исчезнет [Тощенко, Великий, 2018: 29], опираясь на данные проведенного исследования, видит в хозяйственной самостоятельности предпосылку субъектного расширения аграрного сектора. В новые уклады сельского хозяйства нельзя войти «записавшись». И только накопив опыт ведения дела самостоятельно, создав заметный по объему производственный потенциал, возможно из протофермера стать настоящим фермером. Таков же путь и возникновения других укладов сельского хозяйства.

Разделение хозяев сельских подворий на две группы преследовало цель показать роль крайних значений состояния производственного потенциала сельских семейств. В реальности субъектных групп подворий больше. Они подвижны, меняют по разным причинам свои статусы. Семьи, имеющие нередко до 20 голов крупного рогатого скота, это по существу фермеры или протофермеры, хотя де-юре остаются в статусе владельцев ЛПХ. За ними стоят семьи стабильно развивающихся подворий, которые не связаны трудовыми отношениями с крупхозами, но по доходам далеко превосходят наемных работников. Есть и хозяева подворий, которые остановились в развитии или уменьшают масштабы хозяйствования в силу разных причин. Изучение специфики жизнедеятельности и хозяйствования таких подворий актуально и потребует дальнейшего выявления не только материальных предпосылок активной жизнедеятельности, но и комплекса смысловых ценностей и духовных потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедуев А.Ш. Теневая экономика: системный ресурс и фактор торможения социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 152–160.
- Девяткина Л.Н. Роль сельскохозяйственных производственных кооперативов в социальном развитии села // Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения и задачи: материалы научно-практической конференции, посвященной 20-летию принятия ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации». М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2016.
- Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: Т. 1 / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: Т. 1 / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018.
- Петриков А.В. Сельскохозяйственная кооперация: проблемы и решения // Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения и задачи: материалы научно-практической конференции, посвященной 20-летию принятия ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации». М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2016.
- Сельскохозяйственный производственный кооператив. М.: Энциклопедия российских деревень, 1998.
- Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016.
- Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–30.

Статья поступила: 15.07.19. Финальная версия: 12.09.19. Принята к публикации: 14.10.19.

OWNERS OF PRIVATE FARMSTEADS: DIFFERENTIATION, PROBLEMS, OUTLOOK

VELIKIY P.P.

Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Russia

Petr P. VELIKIY, Dr. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences Saratov, Russia (iagpran@mail.ru).

Abstract. The article deals with topical issues of vital activity of the rural territories inhabitants in the focus on opportunities for independent economic activity. The signs of differentiation between owners of private farmsteads taking into account the development of production potential are stated. High production potential of private farmsteads led to emergence of groups of families considering family farming as the only source of well-being resources. Essentially informal farmers, they are subject to significant restrictions generated by institutionalization of embedded market products and heavy workload on the whole family. The owners of farmsteads face declining share of rural residents employed in agricultural organizations. Implementation of the overall socio-economic objectives of the agrarian sector development is linked to possibility of the owners of farmsteads to become a catalyst for the rural communities consolidation to create new or reanimate weakened economic structures in the agricultural sector.

Keywords: family farming, production potential, large-scale farming, employment, market, active livelihoods, economic independent activity.

REFERENCES

- Agricultural Production Cooperative.* (1998) Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven'. (In Russ.)
- Akhmeduyev A. (2015) Shadow Economy in Russia: System Resource and a Factor of Braking Social and Economic Development. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. No. 9: 152–162. (In Russ.)
- Devyatkina L.N. (2016) The Role of Agricultural Production Cooperatives in the Social Development of the Village. In: *Twenty Years of Development of Agricultural Cooperation: Achievements and Tasks: Materials of the Scientific and Practical Conference Devoted to the 20th Anniversary of the Adoption of the Federal Law «On Agricultural Cooperation».* Moscow: FGBNU «Rosinformagrotekh». (In Russ.)
- Petrikov A.V. (2016) Agricultural Cooperation: Problems and Solutions. In: *Twenty Years of Development of Agricultural Cooperation: Achievements and Tasks: Materials of the Scientific and Practical Conference*

- Devoted to the 20th Anniversary of the Adoption of the Federal Law «On Agricultural Cooperation». Moscow: FGBNU «Rosinformagrotekh». (In Russ.)
- Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006*: Vol. 1 / Rosstat. (2008) Moscow: IITS «Statistika Rossii». (In Russ.)
- Results of the All-Russian Agricultural Census of 2016*: Vol. 1 / Rosstat. (2018) Moscow: IITS «Statistika Rossii». (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2016) *The Meanings of Rural Life (Experience of Sociological Analysis)*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T, Velikiy P.P. (2018) The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 27. No. 1: 7–33. (In Russ.)
- Zubarevich N.V. (2017) Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy. *Mir novoy ekonomiki* [The World of New Economy]. No. 2: 46–57. (In Russ.)

Received: Received: 15.07.19. Final version: 12.09.19. Accepted: 14.10.19.